

Романы **Кирилла Казанцева** открывают новую страницу в криминальном жанре. Жестко и правдиво в его произведениях рассматривается борьба с одним из самых неприглядных явлений современной жизни — так называемыми «оборотнями», которые есть во всех структурах государства. Им противостоят честные и мужественные борцы. Не беда, что им иногда приходится нарушать юридические законы. По-другому порой и не справиться с «оборотнями в законе». Важно, что эти борцы отстаивают другой закон — Закон справедливости и чести...

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Стукач	Ученики смерти
Паленые стволы	Бакс хозяина найдёт
Облава на «КРОТА»	Время убивать
Право первого выстрела	Волчье эхо
Последняя обойма	Когда терпение лопается
Шальная пуля	Волк примеряет мундир
Перекрестный огонь	Призрак убийцы
Стреляные гильзы	Связанные одной смертью
Окончательный расчёт	Прошлое стреляет в упор
Русские не сдаются	Ментовской бунт
Сбитый прицел	Смертник
Мастер тату	Чёрный генерал
Операция «КРОТ»	Дикая стая
Кандидат на убой	Волчья свадьба
Снайперский расклад	Чемпион по стрельбе
Атомный аукцион	Зверь требует крови
Секретный проект	Рывок с кичи
Большой куш	Табельный киллер
Прямая и явная угроза	Посмертная амнистия
Свинцовый баланс	Не включай таксисту счётчик
Последний свидетель	«Антикор». Смерть чиновникам
Ордер на справку	«Антикор». Довольно терпеть!
Правила отстрела	«Антикор». Лекарство от жадности
Побег из предварилки	Матерые волки
Подпольный воротила	А ведь мы предупреджали
Последнее предупреждение	Сначала я убью свой страх
Ставок больше нет	Служебный разбой
Скрытая камера	Судить буду сам
Школа боя	Грязный спорт
Ментовские войны	Волчара выходит на след
Показательное преступление	На всякого бластного найдётся пуля
Заказ отменить нельзя	Пули отливают из ненависти
Стрелять надо первым	Команда мести
Золотой гол-стоп	Метод отстрела
Олигарху светит зона	Стреляй вверх — не промахнешься
Вороненый арбитр	Таежный рубикон
Война авторитетов	Волчата голодны всегда
Подарю тебе я пулю	Боевой эксперимент
Ошибки смывают кровью	Железный комендант
Братва шутить не любит	Я не киллер, я — палач
Кровь паленой не бывает	Народная диверсия
Прокурорский расстрел	Я пришёл, чтобы судить
Сальто над пропастью	Вороны любят падаль
Некролог для губернатора	Проверка на преданность
Чёрные вдовы не плачут	Рыба гниёт с головы
Оперативный беспредел	Суперкоп. Реанимация закона
Капкан для золотого тельца	Суперкоп. Чёрный трафик
Месь пахнет порохом	Суперкоп. Отпуск с ворами
Пуле пропуск не нужен	Суперкоп. Убойная должность
Бандитский ликвидатор	Кремлевские войны
Клад делить — жизнь положить	Легальная дурь
Жестокый закон тайги	Кредит на смерть
Бандитские кладоискатели	Убийство по-министерски
Получите алмаз. Распишитесь кровью	Блатной конвейер
Офицерская присяга	Криминальная империя
Разборка осечек не прощает	Охотники за ментами
Детонатор зла	

К Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТЧИ
В ЗАКОНЕ

УБИЙСТВО
ПО-МИНИСТЕРСКИ

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 14

Разработка серийного оформления *А. Старикова*

Казанцев К.

К 14 Убийство по-министерски / Кирилл Казанцев. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Колычев: Казанцев. Обратни в законе).

ISBN 978-5-699-68212-6

В полицию обращается жена известного бизнесмена Георгия Скоробогатова и заявляет об исчезновении мужа. Расследование поручают оперуполномоченному Андрею Синецкому. Он опрашивает свидетелей и выясняет, что незадолго до исчезновения Скоробогатов встречался с кандидатом в депутаты Астаховым. Дальнейшее расследование показало, что Астахов и Скоробогатов были отнюдь не друзьями. Более того, кандидат в депутаты имел все основания ненавидеть бизнесмена — у того имелся внушительный компромат на будущего слугу народа. Синецкий объявляет Астахова в розыск: он на сто процентов уверен, что похищение бизнесмена — его рук дело. Но все оказывается не так просто...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68212-6

© Казанцев К., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Окно ординаторской было раскрыто настежь, однако воздух внутри все равно был спертый. Пахло табаком, спиртом и еще чем-то непонятным, кислотным — то ли перекисью водорода, то ли квашеной капустой.

«Дежурные хирурги опять отдыхали, — подумала Наташа, проходя через квадратную комнатку прямо к окну. — Хотя бы одно радует: ночь была спокойная, безоперационная».

Высунувшись в окно, Наташа с удовольствием глубоко вдохнула. На улице ощущалось слабое дыхание осени: середина сентября, еще теплая, но уже немного грустная пора, которая словно неизбежно влечет за собой долгое прощание с чем-то очень-очень хорошим. Но было в этой поре нечто неуловимо притягательное, некое щемящее чувство, которое при всем желании нельзя было назвать неприятным.

Постояв немного у окна, Наташа присела на диван в углу ординаторской и оглядела комнату. Вспомнила, как пришла сюда, в Пятую Городскую больницу, впервые год назад, после окончания ме-

динститута, на время интернатуры. Тогда она еще была восторженной выпускницей с красным дипломом и считала себя невероятно грамотной и все-все знающей и понимающей в медицине. Сейчас она понимала, что все ее знания были чисто теоретическими и к реальности имели мало отношения. Тогда она была восторженной девочкой, идеалисткой, которой и в голову не могло прийти, что бывалые хирурги могут по ночам пить разведенный спирт, откровенно кадрить молоденьких и не очень медсестер и весьма цинично отзываться о больных, находящихся на их попечении.

Наташа, впервые окунувшись в жесткую действительность, поначалу была шокирована. Ей хотелось самой изменить здесь все, навести порядок и сделать так, как должно быть в идеале. Это теперь она понимала, насколько была наивна, что во всем виноваты не отдельно взятые врачи, а система здравоохранения в целом, а тогда... Она вспомнила, как пришла в кабинет к заместителю главного врача Алексею Дмитриевичу Никанорову и с горящими глазами в течение получаса вдохновенно вещала о том, какие недопустимые, по ее мнению, вещи творятся в отделении, что врачи забывают о своем изначальном предназначении, о том, что избрали святую профессию, что дорогостоящие препараты уходят налево, что для нормальной работы не хватает элементарных материалов и инструментов, не говоря уж о современных аппаратах...

В кабинет незаметно проскользнул старший хирург Миющенко, и замглаврача, приняв чрезвычай-

но серьезный вид, откашлялся и, кивнув, деловито заявил о том, что Наталия Константиновна, безусловно, абсолютно права, что он очень благодарен ей за своевременное заявление, что он лично проведет проверку, разберется во всем, накажет виновных и наведет порядок.

— Спасибо, Алексей Дмитриевич! — проникновенно воскликнула Наташа.

— Хорошо, а теперь идите, — махнул рукой замглавврача, и Наташа, окрыленная, вышла из кабинета с гордо поднятой головой, бросив победный взгляд на Миющенко.

Именно с ним у нее состоялся неделю назад предварительный разговор на эту же тему. Точнее, не состоялся, а она лишь хотела его завести, но Миющенко резко прервал ее и сухо посоветовал заниматься своими прямыми обязанностями и не соваться в то, в чем она ничего не смыслит. Наташу тогда буквально потрясла его реакция, и она решила пойти выше.

«Не может же всем заправлять здесь Миющенко! — думала она, направляясь для начала к заведующей отделением Маргарите Федоровне Старыгиной. — Он всего лишь хирург, хоть и старший!»

Однако Маргарита Федоровна Наташу так и не приняла, сославшись на сильную занятость. У нее и впрямь было несколько тяжелых дней, операции шли одна за другой, и Маргарита Федоровна, завершив их уже поздно вечером, сразу направлялась домой. И тогда Наташа пошла, что называется, ва-банк — к заместителю главного врача. Она бы отправилась и

к самому главврачу, но попасть на прием к Виктору Иннокентьевичу Новожилову было не так просто.

Тем же вечером, когда она осталась дежурной на ночь, в ординаторскую пришел Миющенко. Он смерил Наташу мрачным взглядом, потом молча достал флакончик со спиртом и разлил в два стакана, один из которых протянул Наташе.

— Что вы, я не буду! — воспротивилась та.

— Да пей ты давай! — досадливо произнес Миющенко, опрокидывая свой стакан и наполняя его снова.

Наташа в изумлении смотрела на него, потом слегка отпила. Поморщилась, отодвинула стакан. Миющенко посмотрел на нее красными, воспаленными глазами, а потом закурил и, стряхивая пепел в цветочный горшок, вдруг спросил:

— Наташка, тебе сколько лет?

— Двадцать четыре, — удивленно ответила Наташа.

— А мне сорок восемь, — вздохнул Миющенко. — Стало быть, в два раза больше. И в медицине я уже четверть века. Ты что, думаешь, ты самая умная? Первая, кто все это заметил и решил устроить революционный переворот? Эх, дурочка!

Наташа вдруг почувствовала, что Миющенко, хоть и говорил грубовато, но все-таки без враждебности, а наоборот — с симпатией и словно бы жалея ее. А тот хлебнул еще спирта без закуски и, откинувшись на спинку дивана, заговорил... Он говорил несколько минут подряд, и она не перебивала его, а лишь слушала. А старший хирург говорил о том, что пришел в

больницу таким же зеленым восторженным юнцом и никак не мог понять, почему на деле все оказывается совсем не так, как он предполагал... Что его тоже поражали и шокировали многие вещи, что он также радел всей душой за больных, за порядок в отделении и всей больнице, а теперь...

— Теперь, Наташка, я уже не горю желанием вылечить абсолютно всех больных, — с грустью поведал Миющенко. — И сделать все больницы полностью оборудованными, а всех врачей, берущих взятки, упрятать в тюрьму. Потому что это бред, Наташка. Это не врачи виноваты, а си-сте-ма! Понимаешь? Система! А я просто винтик в этой системе. А у меня жена и двое детей, старший женился два года назад, я уже дед! И до пенсии хочу доработать спокойно и с чистой совестью уйти на отдых. На заслуженный, поверь, отдых! — поднял он палец. — Я сделал многое. Даже несмотря на то, что ничего не смог изменить в целом, в частности сделал многое. Как для больницы, так и для самих больных. И тебе советую то же самое. Поверь, здесь вполне можно работать и делать то, чему тебя учили. Вот ты врач?

Наташа осторожно кивнула. Она уже не была в этом уверена до конца.

— Да врач, врач! Ну, будущий, — уточнил Миющенко. — Девчонка ты способная, я к тебе давно присматриваюсь. Так что делай свое дело, учись, оперируй и ни о чем больше не думай! Не вздумай ты гоняться с наказанием за медсестрами, которые кладут себе в карман стольники, или за санитарками, которым суют шоколадки...

— Я вовсе не... — попыталась было возразить Наташа, но Миющенко перебил ее:

— Молчи! Мы тоже берем. И я в том числе. И тебе могу сказать прямо, пока мы вдвоем: будут давать — не отказывайся! С какой стати? Поверь, есть люди, которые получают гора-аздо больше, чем мы с тобой. Гораздо. И нам до них, как до неба. Вот так.

Он поднялся с дивана, ободряюще хлопнул Наташу по плечу и вышел из ординаторской, чуть покачиваясь. А через десять минут его срочно вызвали в операционную, куда привезли из районного центра десятилетнего мальчика с перитонитом, у которого уже начался сепсис, и он был в таком плохом состоянии, что дежурный хирург не решился браться за операцию самостоятельно и пригласил старшего, который, по счастью, задержался в тот вечер в больнице только для разговора с Наташей. И Миющенко сделал операцию, и сделал настолько грамотно и виртуозно, что через три недели мальчик, уже окрепший и порозовевший, благополучно выписался вместе со счастливой мамой.

Наташа видела, с какими глазами благодарила та женщина старшего хирурга, как порывалась обнять его и торопливо совала в карман халата белый конверт. И еще видела, как Станислав Михайлович сунул ей этот конверт обратно и посмотрел так, что женщина смутилась и, послушно кивнув, пошла вместе с сыном к выходу, к ожидавшему их уазику...

Все это вспомнила сейчас Наташа Краснова, сидя на диване в ординаторской. Да, за это время очень многое изменилось в ней. И практически ничего — в

больнице. Каждый день поступали новые больные, и она, уже не думая о спасении всего человечества, просто пыталась помочь им в сложившихся условиях. Она научилась обходиться иными средствами, когда в очередной раз ломался старенький томограф, научилась ставить диагноз, полагаясь не только на знания, а на внутреннее чутье, и набрала определенный опыт.

— Наталия Константиновна, вы уже на месте? — отвлек Наташу от дум голос медсестры Вики. — Девочка из пятой палаты жалуется на тошноту..

— Хорошо, Вика, я сейчас иду! — встрепенулась Наташа, поднимаясь с дивана и поспешно стягивая в хвост распущенные каштановые волосы и натягивая на них пилотку.

Двигаясь по коридору вслед за медсестрой к пятой палате, думала уже только о девочке Кате Синицыной, поступившей к ним в отделение три дня назад. У Кати было редкое заболевание — странное, до конца не изученное, к которому у медиков разных стран было неоднозначное отношение. В их больнице с таким диагнозом столкнулись впервые, и Наташа дома по ночам штудировала медицинские справочники, в которых сведений об этом заболевании было ничтожно мало, а также Интернет, где информации все же было существенно больше, но вся она была весьма пространной и расплывчатой и не давала ответа на самый главный вопрос — как, собственно говоря, это лечить.

Наташа несколько раз видела маму девочки — очень худую, несколько нервную особу лет двадцати восьми, которая часто выходила курить на крыль-

цо больницы, делала длинные, быстрые затяжки и швыряла недокуренную сигарету в урну, а через пять минут возвращалась и закуривала снова. Она приезжала на черном джипе «Инфинити» с коренастым, краснолицым типом, который никогда не проходил в помещение больницы, а сразу же уезжал, но потом возвращался и с недовольным видом звонил ей по новенькому «Vertu Ascent», лениво поглядывая на проходящих мимо врачей и медсестер и при этом словно не видя их в упор. Он ни разу не разговаривал ни с кем из них, и Наташе это было странно. Это потом она случайно узнала, что он не родной отец Кати, и даже порадовалась в душе — слишком неприятным был этот тип, наглым и самоуверенным.

Родной же отец девочки оказался совсем другим — довольно простым, русоволосым и худощавым, одетым в обычную джинсовую рубашку и неумело, наспех отглаженные брюки. Когда он входил в помещение больницы, мать девочки тут же бросалась к нему и тихим, злым голосом начинала что-то выговаривать, требовать, иногда даже повышая голос и при топывая ногой. Тот же, с усталым, каким-то измученным лицом, слушал ее рассеянно и лишь болезненно морщился, когда женщина начинала переходить на крик. Он пытался успокоить ее и взять за руки, но та резко их выдергивала, и глаза ее загорались совсем уже злым огоньком.

Наташа плохо разбиралась в отношениях этого квартета, да ей это было и не нужно. Это уже потом, как-то вечером, когда она дежурила и во время обхода подошла к Кате, увидела, что девочка плачет. Тог-

да Наташа подумала, что она плохо себя чувствует, и спросила, так ли это. Катя некоторое время молчала, а потом сказала, что очень хочет вернуться домой. Наташа, вложив в голос как можно больше уверенности и убедительности, проговорила, что так непременно и будет, причем очень скоро, но Катя покачала головой и сказала, что хочет вернуться не туда, где живет сейчас, а в свой прежний дом, где она жила с мамой и папой.

— А сейчас я живу с мамой и дядей Эдиком. А он мне совсем чужой. И он не любит меня. И маму тоже не любит, — совсем тихо, словно стыдясь за маму, добавила Катя, и Наташа тогда удивилась прозорливости, так свойственной порой детям.

* * *

Новый рабочий день неожиданно выпал на субботу. Хотя это, по идее, был законный выходной, но наш непосредственный начальник, подполковник Герасимов, почему-то решил, что мы в последнее время работаем мало, и обязал выйти весь отдел. Все, конечно, повозмущались, но возразить подполковнику никто не посмел. Честно говоря, я был расстроен больше остальных, поскольку собирался провести этот день в больнице у Катюхи. Ольга уже несколько раз звонила мне вчера вечером и обвиняла в пренебрежении отцовскими обязанностями.

— Я навещаю ее каждый день! — резко звучал голос супруги, ставший за последние месяцы со-

вершенно чужим и холодным. — В отличие от тебя!
И Эдик тоже!

— Слушай, вот только не надо приплетать сюда своего Эдика, а? — досадливо поморщившись, попросил я. — Он вообще не имеет отношения ко всему этому!

— Не имеет? — в голосе Ольги послышались ехидные нотки. — А между прочим, ее содержание там оплачивает полностью он! Так что уж постеснялся бы только за это трогать человека!

— Его никто не трогает! — Я невольно повысил голос. — Но и ты, будь добра, не трогай моих отношений с дочерью! Катя все-таки моя дочь!

— Странно, что ты об этом помнишь! — уколола меня в очередной раз Ольга. — Иначе сидел бы у больного ребенка день и ночь!

Я сдержался. Не стал напоминать Ольге о том, что вообще-то работаю, каждый день с восьми утра и порой до поздней ночи, в отличие от нее, которая, с тех пор как ушла к своему Эдику, находится на полном его обеспечении. И что навещаю Катюху при первой же возможности.

— В общем, завтра с утра чтобы был в больнице! — пригвоздила меня Ольга, а следом в трубке послышалось ее недовольное «На!»

Затем я услышал голосок Катюхи и понял, что Ольга находится сейчас в ее палате и намеренно сунула трубку дочери.

— Папа! — голос дочери звучал радостно.

У меня, признаться, екнуло и больно защемило сердце, хотя вроде никогда я не был особенно сентиментальным.

— Папа, ты придешь завтра?

— Приду, солнце! — твердо ответил я, так как еще не знал о том, что подполковник Герасимов решил подложить нам такую свинью.

— Я тебя очень буду ждать, папочка! Я тебя люблю!

— Я тебя тоже, — проговорил я, и следом зазвучали гудки — Ольга выдернула телефон у дочери.

Я отодвинул стакан с успевшим остыть чаем, откинулся на спинку стула и вытер лоб рукой. Воспоминания волной накатили снова. Ольга ушла от меня несколько месяцев назад. Ушла нехорошо, внезапно, без предупреждения и обсуждения, просто поставила перед фактом. Но даже не это обидело меня больше всего, а то, что ушла она тихо, по-воровски, забрав все вещи, пока я был на службе. И даже не дала мне поговорить с Катюхой. А потом... Потом даже не позвонила, а скинула эсэмэску, что нашла достойного человека, который станет заботиться о ней и о дочери.

Я вспомнил тот злополучный вечер, как сидел, тупо уставившись в экран телефона, перечитывал эсэмэску в сотый раз и не мог поверить, что это происходит в реальности. Собственно, охлаждение отношений чувствовалось и до ухода Ольги, но я списывал это просто на временный этап, неизбежно возникающий в любом семейном союзе.